

АНДРЕЙ САХАРОВ

Я родился 21 мая 1921 года. Мой отец — известный преподаватель физики, автор учебников, задачника и научно-популярных книг. Мое детство прошло в большой коммунальной квартире, где, впрочем, большинство комнат занимали семьи наших родственников и лишь часть — посторонние. В доме сохранялся традиционный дух большой крепкой семьи — постоянное деятельное трудолюбие и уважение к трудовому умению, взаимная семейная поддержка, любовь к литературе и науке. Мой отец хорошо играл на рояле, чаще всего Шопена, Грига, Бетховена, Скрябина. В годы гражданской войны он зарабатывал на жизнь, играя в немом кино. Душой семьи, как я это с благодарностью ощущаю, была моя бабушка Мария Петровна, скончавшаяся перед войной в возрасте 79 лет. Бабушка воспитала шестерых детей. В возрасте около пятидесяти лет она сумела самостоятельно изучить английский язык и до конца жизни читала художественную литературу по-английски. Нам, своим внукам, бабушка с очень раннего возраста часто читала вслух. Я живо помню вечерние чтения Пушкина, Диккенса, Мало, Бишоп-Стоу, в пасхальную неделю — Евангелия. Для меня влияние семьи было особенно большим, так как я первую часть школьных лет учился дома, да и потом с очень большим трудом сходил со сверстниками. Я с отличием окончил школу в 1938 году и тогда же поступил на Физический Факультет Московского Университета. Окончил его тоже с отличием уже во время войны в 1942 году в эвакуации в Ашхабаде. Летом и осенью 1942 года несколько недель жил в Коврове, куда первоначально был направлен на работу по окончании Университета, затем работал на лесозаготовках в глухой сельской местности под Мелекесом. С этими днями связаны мои первые, самые острые впечатления о жизни рабочих и крестьянства в то трудное время. В сентябре 1942 года направлен на большой военный завод на Волге, где работал инженером-изобретателем до 1945 года. На заводе стал автором ряда изобретений в области контроля продукции. В университете я не сумел включиться в активную научную работу. В 1944 году, работая на заводе, я написал несколько статей по теоретической физике и направил их в Москву на отзыв. Эти первые работы никогда не были опубликованы, но они дали мне то чувство уверенности в своих силах, которое так необходимо каждому научному работнику. С 1945 года я аспирант в Физическом Институте АН СССР им. Лебедева, мой руководитель, имевший на меня большое влияние, крупнейший физик-теоретик — Игорь Евгеньевич Тамм, впоследствии академик и Лауреат Нобелевской премии по физике. В 1947 году я защитил кандидат-

скую диссертацию по ядерной физике. В 1948 году включен в научно-исследовательскую группу по разработке термоядерного оружия. Руководителем группы был И. Е. Тамм. Последующие 20 лет — непрерывная работа в условиях сверхсекретности и сверхнапряжения сначала в Москве, затем в специальном научно-исследовательском секретном центре. Все мы тогда были убеждены в жизненной важности этой работы для равновесия сил во всем мире и увлечены её грандиозностью. В предисловии к книге «Сахаров говорит», а также в книге «О стране и мире» я уже писал об эволюции моих общественно-политических взглядов в 1953—1968 годах, о некоторых драматических для меня событиях, которые повлияли на эту эволюцию или явились её выражением. В 1953—62 годах это были события, связанные с участием в разработке термоядерного оружия, с подготовкой и осуществлением термоядерных испытаний, сопровождавшиеся все более острым осознанием порождаемых этим моральных проблем. Начиная с 1964 года (когда я выступил по проблемам биологии) и особенно с 1967 года круг волновавших меня вопросов все более расширялся, и к 1968 году возникла потребность в достаточно развернутом, открытом и откровенном выступлении. Так появилась статья «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе». По существу это те же темы, которые через семь с половиной лет обозначены в названии Нобелевской лекции (Мир, прогресс, права человека) — я считаю эти темы фундаментально важными и тесно связанными между собой. Это выступление явилось поворотным во всей моей дальнейшей судьбе. Очень быстро оно стало широко известно во всем мире. В советской прессе «Размышления» долго замалчивались, потом она стала упоминать о них весьма неодобрительно или иронически. Многие, даже сочувствующие, критики воспринимали мои мысли в этой работе как очень наивные, прожектерские. Сейчас, спустя восемь лет, мне все же кажется, что многие важные повороты мировой и даже советской политики лежат в русле этих мыслей.

Начиная с 1970 года защита прав человека, защита людей, ставших жертвой политической расправы, выходит для меня на первый план. Участие вместе с Чалидзе и Твердохлебовым, а затем вместе с Шафаревичем и Подъяпольским в Комитете прав человека является одним из выражений этой позиции. Я не могу не напомнить здесь о судьбе двух из этих людей. В апреле 1976 года за свою общественную деятельность на пять лет ссылки осужден Андрей Твердохлебов. В марте 1976 года трагически-рано умер Григорий Подъяпольский.

Еще в 1950 году я вместе с Игорем Евгеньевичем Таммом стал одним из инициаторов советских работ по исследованию управляемой термоядерной реакции (термоядерная реакция изотопов водорода для производства либо непосредственно электроэнергии, либо для производства ядерного горючего энергетических ядерных реакторов). Сейчас эти работы получили очень большое развитие. Годом позже по моей инициативе начаты экспериментальные работы по созданию взрыво-магнитных генераторов (устройств, в которых энергия взрыва химической или ядерной

реакции переходит в энергию магнитного поля). В 1964 году в ходе этих работ достигнуто рекордное магнитное поле 25 миллионов гаусс.

С июля 1968 года, после опубликования за рубежом моей статьи «Размышления о прогрессе . . .», я отстранен от секретных работ и «отлучен» от привилегий советской номенклатуры. С лета 1969 года я работаю в том же Физическом Институте АН СССР, в котором в 1945—47 годах учился в аспирантуре и начинал свою научную деятельность. Я интересуюсь проблемами теории элементарных частиц, теории гравитации и космологией и был бы рад, если бы мне удалось внести свой вклад в эти важные отрасли науки.

Между тем общественные события непрестанно требуют от меня все новых ответственных действий и выступлений, требуют все больше физических и духовных сил. Особая моральная трудность моего положения — непрестанное давление на моих друзей и близких, репрессии не против меня лично, но около меня. Я неоднократно писал об этом, и все сказанное, к сожалению, остается в силе. Я не профессиональный политик и может быть поэтому меня всегда мучают вопросы целесообразности и конечного результата моих действий и действий моих друзей. Я склонен думать, что лишь моральные критерии в сочетании с непредвзятостью мысли могут явиться каким-то компасом в этих сложных и противоречивых проблемах.

Я уже не раз писал, что воздерживаюсь от конкретных политических прогнозов. Сейчас вокруг меня много трагического. Недавние суды над моими ближайшими друзьями — Сергеем Ковалевым (осужденным в дни Нобелевской церемонии на семь лет заключения и три года ссылки) и Андреем Твердохлебовым — самое осязаемое и явное тому свидетельство. Но сегодня как и всегда я верю в скрытые силы человеческого духа.

From [Les Prix Nobel en 1975](#), Editor Wilhelm Odelberg, [Nobel Foundation], Stockholm, 1976